

На правах рукописи

БОГДАНОВ Евгений Сергеевич

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИКАСПИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛТЫНКАЗГАНСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА)**

Специальность 5.6.3. Археология (исторические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Новосибирск
2026

Работа выполнена в отделе археологии палеометалла Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН).

Научный консультант

Молодин Вячеслав Иванович, доктор исторических наук (07.00.06 - археология), академик РАН, профессор, заведующий отделом археологии палеометалла Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН), профессор Новосибирского государственного университета (НГУ).

Официальные оппоненты:

Боталов Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук (специальность 07.00.06 – археология), профессор, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук (ИИиА УрО РАН), г. Челябинск.

Матвеева Наталья Петровна, доктор исторических наук (специальность 07.00.06 – археология), профессор, профессор кафедры истории, ведущий научный сотрудник лаборатории археологии и этнографии Института социально-гуманитарных наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский государственный университет» (ФГАОУ ВО ТюмГУ), г. Тюмень.

Таиров Александр Дмитриевич, доктор исторических наук (специальность 07.00.06 – археология), директор научно-образовательного центра евразийских исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)» (ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»), г. Челябинск.

Ведущая организация

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН (ИА РАН), г. Москва.

Защита диссертации состоится **10 ноября 2026 г. в 13.30 часов** на заседании диссертационного совета 24.1.030.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) по адресу: 630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИАЭТ СО РАН и на официальном сайте Института www.archaeology.nsc.ru

Автореферат разослан «__» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

Л.Н. Мыльникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Северо-Восточный Прикаспий до недавнего времени оставался одной из наименее изученных территорий в контексте трансконтинентальных связей населения Евразии в первой половине I тыс. н.э. Устойчивая отечественная и зарубежная историографическая традиция, подкрепленная современными природно-климатическими характеристиками региона (аридность, изолированность полуострова Мангышлак), рассматривала его исключительно как зону обитания немногочисленных кочевых сообществ, не способную генерировать собственные очаги оседлости и играть значимую роль в глобальных исторических процессах. Это положение вступало в очевидное противоречие с данными «Географии» Клавдия Птолемея, фиксировавшей именно на восточном побережье Каспийского моря «полис Аспабота», а также с отдельными археологическими находками предшествующих лет, не получавшими, однако, комплексной интерпретации. Систематические раскопки под руководством автора, начатые российско-казахстанской экспедицией в 2015 году, впервые позволили перейти от констатации разрозненных фактов к реконструкции культурно-исторических процессов в регионе, что и определяет несомненную **актуальность и научную значимость** принятого исследования.

Степень разработанности проблемы. В отечественной и зарубежной историографии сложились две основные точки зрения на роль Северо-Восточного Прикаспия в системе древних коммуникаций. Сторонники «степного пути» (А.С. Скрипкин, К. Баризиц, Д. Браунд) рассматривали этот участок Каспийской акватории как второстепенный торговый коридор. П. Бернар, Ф. Грене, К. Карттунен и вовсе отрицали существование древнего устойчивого водного сообщения по Оксу и через Каспий, считая сведения античных авторов результатом «книжной традиции». Археологические исследования территории Мангышлака (работы Л.Л. Галкина и В.С. Ольховского, З. Самашева и А. Онгарулы) позволили выявить самобытные культовые комплексы, однако их хронология и культурная атрибуция оставались дискуссионными, а связь с глобальными историческими процессами не прослеживалась. Таким образом, комплексного исследования, объединяющего анализ археологических, естественно-научных и письменных источников для территории Северо-Восточного Прикаспия в эпоху поздней античности и раннего средневековья, до настоящего времени не существовало. Выбор Алтынказганского археологического

микрорайона в качестве основы для диссертации обусловлен ведущей ролью этой территории в создании коммуникативной сети торговых путей, с центром в виде крупного поселения, вокруг которого по классической схеме располагались ритуальные комплексы и могильники. Данное выделение АМР произошло более пяти лет назад на основе авторских работ и отражено в публикациях.

Объектом исследования выступают культурные традиции оседлого и кочевого населения Северо-Восточного Прикаспия в первой половине I тыс. н.э., включая динамику системы расселения, хозяйственно-экономические связи, социальную структуру и религиозно-мифологические представления.

Предметом исследования являются материалы полученные в ходе раскопок археологических памятников, сконцентрированных в пределах Алтынказганского микрорайона.

Территориальные рамки охватывают все северо-восточное побережье Каспийского моря с центром на полуострове Мангышлак, ограниченном естественными рубежами (водное пространство, плато Устюрт, впадины Карагие и Каунды). В узком смысле территориальные рамки определяются месторасположением Алтынказганского микрорайона в межгорной долине, между нагорьем Западный Каратау и склонами гор Северный Актау.

Хронологические рамки ограничены временным периодом с I/II вв. по середину VI в. н.э. Нижняя граница связана с возникновением поселения Каракабак и первыми датировемыми находками (ранние хорезмийские и парфянские монеты), верхняя — монетой у-чжу и отсутствием артефактов на рассматриваемых памятниках позже середины VI в. Поселение перестало существовать в связи с катастрофическим землетрясением, регрессией Каспия и сменой парадигмы глобальных торговых коммуникаций.

Цель исследования заключается в реконструкции культурно-исторических процессов в Северо-Восточном Прикаспии в первой половине I тыс. н.э. на основе комплексного изучения и интерпретации материалов Алтынказганского археологического микрорайона, в зоне контакта крупных государственных образований с кочевыми сообществами. Достижение поставленной цели предполагало решение следующих **задач**:

1. Всесторонняя характеристика поселения Каракабак как центрального элемента микрорайона (определение хронологических маркеров, анализ категорий материальной культуры и корреляция с синхронными комплексами с сопредельных территорий);

2. Идентификация поселения Каракабак с «полисом Аспабота», упомянутым в «Географии» Клавдия Птолемея Александрийского.

3. Определение структурных особенностей и семантики ритуально-погребального комплекса Алтынказган, интерпретацию его в контексте зороастрийских погребальных практик и связи с Каракабаком;

4. Характеристика погребального обряда и анализ вещевого комплекса из захоронений (могильники Каракабака, Кумыры, Алтынказгана) позднесарматского облика с определением их хронологических позиций;

5. Установление взаимосвязей различных археологических объектов на территории Алтынказганского АМР с выделением особенностей и динамики развития как целостной историко-культурной системы;

6. Выявление особенностей жизнеобеспечения населения (кочевого и оседлого), проживавшего на территории АМР в первой половине I тыс. н.э.

7. Реконструкция системы торговых коммуникаций, сложившейся в северном секторе Каспийского моря в I/II – сер. VI вв., и определение роли Каракабака/Аспаботы как ключевого узла трансконтинентальных связей.

Методология и методы исследования. Работа основана на принципе историзма, системном подходе и принципе научной объективности. Первый требует рассмотрения культурных процессов в их динамике с учетом конкретно-исторических условий. Второй позволил трактовать совокупность археологических памятников не как разрозненные объекты, а как целостную историко-культурную систему. Третий реализуется через многократную верификацию выводов с помощью независимых методов на основе синтеза разнородных данных (археологических, письменных, нумизматических, антропологических и естественнонаучных). В работе применяются следующие методы: стратиграфический (при раскопках поселенческих и погребальных комплексов), планиграфический (при реконструкции пространственной организации объектов), типологический (для датировки и культурной атрибуции массовых категорий находок), картографический (для визуализации распределения памятников и реконструкции путей), методы датировки в рамках нумизматического и сравнительно-типологического подходов, а также методы «сетевого анализа», заимствованные из исторической географии. Для работы с письменными источниками применялся источниковедческий анализ и герменевтический метод (при интерпретации авестийских текстов). Для выделения Археологического микрорайона (АМР) использовался комплекс ландшафтно-топографического, картографического и функционального анализа.

Научная новизна исследования. В представленной работе впервые в полном объеме введены в научный оборот материалы, полученные автором в ходе изучения археологических памятников первой половины I тыс. на территории северо-восточного побережья Каспийского моря. К числу наиболее значимых результатов, определяющих научную новизну, относятся: открытие птолемеевской Аспаботы на восточном берегу Каспийского моря с выявлением особенностей материальной культуры его населения; обнаружение разнообразных объектов зороастрийской направленности; реконструкция системы транскаспийских торговых путей; получение прямых свидетельств институциональных контактов с Византией, что сделано впервые для Арало-Каспийского региона.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что её результаты существенно дополняют и корректируют существующие модели функционирования трансевразийских коммуникаций, с упором на их сетевой, многовариантный характер. Исследование вносит вклад в разработку проблемы взаимодействия древних оседлых и кочевых обществ, показывая сложные формы симбиоза и взаимовлияния. Интерпретация Алтынказгана как зороастрийского комплекса открывает новые перспективы для изучения распространения религиозных идей древнеиранского (маздеистского) круга в среде позднесарматского и постгуннского населения.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов при разработке общих концепций культурно-исторических изменений в прикаспийских территориях, при написании обобщающих работ по региональной истории, а также соответствующих разделов в учебных пособиях для вузов. Вводимый в научный оборот значительный объем новых материалов имеет большое значение для целого комплекса смежных с археологией научных дисциплин и может быть использован при создании музейных экспозиций и в деле сохранения объектов археологического наследия Мангистауской области Республики Казахстан.

Защищаемые положения

1. Поселение Каракабак является археологическим эквивалентом «полиса Аспабота», зафиксированного в «Географии» Клавдия Птолемея Александрийского. Несовпадение координат при буквальном прочтении не опровергает идентификацию, а указывает на необходимость функ-

ционального подхода к античным источникам. Аспабота выступает как маркер коммуникационного узла, а не как топографически точный пункт.

2. Ритуально-погребальный комплекс Алтынказган представляет собой уникальное для Арало-Каспийского региона сакральное пространство, связанное с зороастрийскими погребальными обрядами. Трехсекционные постаменты интерпретируются как дахмы для выставления тел, а устойчивые керамические наборы — как инвентарь для приготовления и возлияния хаомы. Комплекс тесно связан с поселением Каракабак и возведен под нужды его населения.

3. На территории Северо-Восточного Прикаспия в I/II – VI вв. функционировал устойчивый портово-транзитный узел, связывавший Индию, Хорезм и все Приаралье с Северным Кавказом, Северным Причерноморьем и Византией. Каракабак/Аспабота являлся не просто транзитным пунктом, а местом трансформации сырья в готовую продукцию, обладавшим собственным многоотраслевым ремесленным производством.

4. Выделение Алтынказганского археологического микрорайона как целостной историко-культурной системы (поселение – зороастрийский ритуально-погребальный комплекс – могильники) является методологически обоснованным и отражает реальную модель расселения и хозяйственного освоения территории в первой половине I тыс. Памятники АМР демонстрируют сложный синтез культурных традиций: позднесарматской (подбойные могилы, северная ориентировка, деформация черепа), раннеаланской (катакомбный обряд, керамические «курильницы»), джетыасарской (калачиковидные серьги, зеркала с ручкой-штырем) и византийской (полихромный стиль, институциональные маркеры).

5. Сложение, расцвет и упадок северо-каспийской коммуникационной системы с центром в виде поселения определялись сложным взаимодействием межрегиональных геополитических и природных факторов. Её активизация в V–VI вв. связаны с поиском Византией обходных путей в обход Сасанидского Ирана.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность полученных результатов обеспечивается репрезентативной источниковой базой (материалы раскопок 2015–2025 гг. с общей площадью вскрытия около 2300 кв. м на поселении, более 20 объектов ритуального комплекса, свыше 50 погребений), использованием комплекса независимых методов датирования (нумизматика, типология фибул, стратиграфия, сопоставление с синхронными комплексами сопредельных территорий) и привле-

чением естественно-научных анализов (палеозоология, спектрография стекла).

Основные положения и выводы диссертации изложены в двух монографиях и 19 научных статьях в рецензируемых изданиях (список ВАК, Web of Science, Scopus). рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов на соискание ученой степени доктора наук. Результаты исследования представлены в докладах на региональных (Новосибирск, 2024; Челябинск, 2025), международных конференциях (Актау, 2022; Алматы, 2023; Актобе, 2023), а также на V, VI и VII Всероссийских археологических съездах (Барнаул, 2017; Самара, 2020; Красноярск, 2025). Отдельные положения диссертации прошли апробацию на заседаниях ежегодной сессии Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, 2021–2025 гг.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, списка сокращений (1-й том) и приложения с таблицами и иллюстрациями (2-й том).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, определяются его хронологические и территориальные рамки. Приводится развернутая характеристика методологической базы и использованных методов, формулируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, а также положения, выносимые на защиту. Отдельно рассматривается степень изученности проблемы и состав источниковой базы.

Глава 1 «Поселенческий комплекс Каракабак» посвящена детальной характеристике центрального элемента Алтынказганского микрорайона.

В *разделе 1.1* анализируются особенности месторасположения и фортификации поселения. Каракабак расположен на берегу моря, на высоком (100–110 м) скальном останце с отвесными обрывами с трех сторон, что создавало естественную цитадель. Система защиты включала крепостные стены на уязвимых участках и грандиозное сооружение «Вал Байлама», протяженностью 550 м, с системой «ров-вал-стена» и тремя глухими башнями высотой более двух метров, ограждавшую пастбищные угодья площадью 15 кв. км. Анализ планиграфии городища (общая площадь за-

стройки около 5 га) и результатов раскопок (вскрыто около 2300 кв. м) позволил выделить три строительных периода, отражающих динамику развития поселения:

- ранний, с использованием сырцового кирпича (I/II–III вв.). Квартальная застройка с ориентацией строений по сторонам света и организацией уличного пространства. Помещения больших размеров (до $6,5 \times 5,5$ м) с правильной прямоугольной планировкой. Для внутреннего благоустройства характерны пристенные суфы-лежанки шириной 1–1,2 м из половинок блоков и круглые углубленные очаги с обмазкой краев;

- период расцвета, чередующийся с промежутками запустения части территорий (III–V вв.). Происходит переход к «усадебной» планировке отдельных многоквартирных строений. Жилые помещения и особенно хозяйственные пристройки становятся меньше, теряют правильные очертания. Ширина стен с каменной блочно-плитчатой кладкой варьируется в пределах 75–85 см. Суфы-лежанки облицовываются вертикально поставленными плитами, стены штукатурятся коричневой глиной;

- финальный, с небрежной каменной кладкой на слабых растворах (втор. пол. V – сер. VI вв.). Ширина стен уменьшается до 55–60 см. Пристроенные помещения имеют неправильную планировку, появляются тамбуры перед входами. Небрежная кладка используется для наращивания более ранних стен. Изменяется конструкция суф: они возводятся комбинированной кладкой с заполнением внутренней полости бутом или желваками кремня. Важной особенностью данного периода является наличие в жилых помещениях больших коробов из необожжённой глины. Они, вероятно, предназначались для хранения органических, сыпучих продуктов.

Специфика природно-географической, ландшафтно-геологической среды обитания и хозяйственной жизни поселения не способствовали формированию многослойности культурного горизонта. Поэтому вертикальная стратиграфия в жилой части поселения отсутствует. Весь производимый в ходе жизнедеятельности мусор (отходы постоянного строительного-перепланировочного процесса, золистые выбросы, битая глиняная посуда и пищевые отходы) либо складировался в отвалы по периферии поселения, либо использовался на выравнивание скальных поверхностей при строительстве или ремонте жилых и хозяйственно-бытовых построек. Культурно-хронологическая колонка получена только при исследовании мусорных отвалов. Результатом аналитической обработки гигантского массива данных стала фиксация большей части особенностей самобыт-

ного поселенческого комплекса с фортификацией, сложной планиграфией и внутренним генезисом.

В разделе 1.2 обосновывается идентификация Каракабака с «полисом Аспабота» Клавдия Птолемея. Хотя исследования Л.А. Ельницкого [1961], И.В. Пьянкова [1982, 1988], К. Карттунена [1989], П. Бернара [1986], Д.А. Щеглова [2016] и др. заложили основы критического подхода к птолемеевской картографии, выявив системные искажения координат и компилятивный характер данных, в настоящее время появилась возможность по-иному подойти к анализу этого источника. Особенно в отношении Восточного Прикаспия. Птолемей не видел его как самостоятельный регион. Для него это не более чем коридор между Гирканией, Хорезмом и Согдианой. Отсюда – минимальное число топонимов и их функциональная заданность. Поэтому пришла идея отказаться от буквального прочтения «искаженных координат» в пользу функционального анализа. Аспабота, единственный пункт на восточном берегу Каспийского моря у Птолемея, — выступает не столько «городом» в классическом античном смысле, сколько как маркер коммуникационного узла, поргово-перевалочной базы на стыке каспийского каботажного и сухопутных маршрутов. Вот что Птолемей сообщает об Аспаботе в своем приложении к седьмой карте Азии: *«Ἀσπάβωτα .., «полис, расположенный на восточном побережье Гирканского моря, севернее устья Окса, входит в число важных городов Скифии по эту сторону Имаонских гор»* (Ptol. VI. 14, 2). Здесь под «Гирканским» имелось в виду Каспийское море, под «Оксом» – узбойское русло Амударьи, под «Имаонскими горами» – горная система, протянувшаяся от Тянь-Шаня к Памиру и Гиндукушу. Расположение крупного торгово-ремесленного порта в этом секторе Каспийского моря само по себе представляет уникальный феномен позднеантичного времени, требующий объяснения. «Протогородской» характер стационарной квартальной застройки, фортификационные сооружения, многофункциональная экономическая структура и длительное существование делают Каракабак одним из немногих объектов региона, потенциально соотносимых с птолемеевскими «полисами». Этот археологический комплекс находится в стратегической зоне, позволяющей влиять на прибрежные и внутриконтинентальные маршруты. Предположительная этимология названия («Aspabota» — «охраняемый конный пункт») также подтверждает его функцию контролирующего форпоста.

Таким образом, проведенная идентификация Аспаботы разрешает давнее противоречие между античной картографической традицией и

отсутствием археологических аналогов на восточном побережье Каспия. Соответственно, необходимо признать, что уже к первой половине II в. н.э. поселение существовало, и было достаточно значимо, чтобы попасть на страницы крупного античного географического труда.

В разделе 1.3 представлена детальная трехфазная периодизация функционирования поселения на основе анализа хронологических маркеров (нумизматического материала (152 монеты), фибул (более 50 ед.) и металлопластики, керамики и стекла), отходов производства и жизнедеятельности.

Первая фаза (I/II – III вв.). I/II в. наименее представлен датированными артефактами. Данный факт обусловлен спецификой проведенных к настоящему моменту исследований. Раскопки на Каракабаке, несмотря на существенные по объему материалы, затронули лишь периферийные участки памятника: два мусорных отвала и окраинную жилую застройку (четыре строения). Центральная часть городища, где могли располагаться наиболее ранние комплексы, остается пока неисследованной. Более того, в процессе многовековой жизни поселения его территория неоднократно перепланировалась, ранние горизонты могли быть уничтожены или перекрыты более поздними строительными остатками. Поэтому возможно, что картина, которую мы имеем сегодня, – фрагментарна, особенно в отношении начального этапа. С учетом этого обстоятельства задача данного подраздела работы заключалась не в том, чтобы представить исчерпывающую характеристику материальной культуры начальной фазы (это пока невозможно), а в том, чтобы на основе уже имеющихся, хотя и ограниченных, данных наметить основные вехи развития поселения и определить те культурно-хронологические маркеры, которые позволяют говорить о его динамике и внешних связях. Анализ находок свидетельствует, что этот период уже характеризуется включением поселения в систему международной торговли. Находки парфянских и ранних хорезмийских монет (чекан Готарза II (Митридатокерт), локального правителя (Мерва?) Санчеса и типы Б,В/2 и Б²20 (по Б.И. Вайнберг), сильно профилированных фибул причерноморских типов, римского стекла, а также лепной керамики с джетыасарскими параллелями свидетельствуют о связях с Северным Кавказом, Средней Азией (Приаралье, Хорезм) и Римской империей. Данные факты позволяют предположить, что на начальном этапе Аспабота выступала не столько как форпост какой-либо из держав, сколько как нейтральная торговая фактория, открытая для контактов с различными партнерами. Данная ситуация находит параллели в функционировании

ранних торговых эмпориев Северного Причерноморья, где «иноземная монета часто предшествовала формированию устойчивых поселенческих структур» [Hind, 1998, p. 146–148]. Интересной особенностью первой фазы является наличие в коллекции фибул, демонстрирующих своеобразие и, возможно, местное производство (пример индивидуального творчества в локальной мастерской). Гибридные формы, сочетающие признаки групп 11 и 13 (по А.К. Амброзу), также могут свидетельствовать о формировании собственных ремесленных традиций уже на раннем этапе существования Аспаботы.

Вторая фаза (III – V вв.) отмечена кардинальными переменами на исторической карте региона: распад Кушанской империи, усиление Сасанидского Ирана и начало гуннских миграций. Нумизматический комплекс демонстрирует резкую активизацию хорезмийского влияния (массовое поступление монет царей Вазамара, Раста, Сиявспарша). При этом Сасанидские монеты выступают в роли абсолютных хронологических реперов. Среди них особого внимания заслуживают драхмы Шапура I, мелкая медь Мервского чекана – пашизы и юниты Варахрана IV (388–399 гг.). Их присутствие на Каракабаке – прямое свидетельство связей с торгово-ремесленными центрами Ирана, через которых, вероятно, осуществлялась транспортировка товаров из Индии и Средней Азии к Каспийскому морю. Еще более интригующим стал вопрос о возможной местной чеканке. В коллекции присутствуют уникальные анепиграфные монеты, не имеющие аналогов в нумизматической литературе. Активность внутреннего товарно-денежного обращения могла предполагать появление собственной подражательной монеты в рамках символизма доминирующего хорезмийского чекана. Именно на вторую фазу жизни Аспаботы приходится максимальное освоение пространства квартальной застройкой, но и расцвет местного производства различных металлических элементов костюма, что убедительно свидетельствует об уже сложившихся ремесленных традициях. Например, изготовление пряжек с длинным хоботковидным язычком, которые станут своеобразной «визитной карточкой» гуннского и постгуннского времени. Вся коллекция каракабакских пряжек условно разделяется по морфологическим признакам на 4 группы с отдельными вариантами (щитковые и безщитковые формы с различными вариантами оформления язычка). Говоря о костюмных традициях, нужно отметить, что именно на рубеже IV–V вв. в регионе фиксируется смена «модного стандарта» – от сильно профилированных фибул причерноморских типов к двупластинчатым, связанным

уже с новым, «гуннским» горизонтом евразийской степной культуры. Четкие аналоги карабабским украшениям, в том числе полихромным, широко представлены в синхронных материалах из европейских, крымских, северокавказских, иранских, джетыясарских и среднеазиатских памятников.

Керамический комплекс Карабаба/Аспаботы во многом имеет общие черты с ранними формами III в. Проанализировано более 50 тыс. фрагментов керамики и десятки целых форм. Лепная посуда все также изготавливается в виде больших тарных сосудов, чашек, кружек, воронок, стаканов, стопок, мисок, плошек, тарелок. Часть тонкостенной посуды имеет следы тщательного заглаживания поверхностей и лощения. Орнаментация встречается редко и свойственна сосудам малых пропорций. Продолжает широко применяться декорирование в лепной посуде ручек (два бугорка-выступа и боковые косые насечки, зооморфные сюжеты). Это диагностирующий признак для памятников круга Андрейаульского городища [Малашев и др., 2017, с. 223]. Важно отметить, что наиболее значимые изменения в керамическом производстве на территории Аспаботы происходят со станковой посудой. Если для раннего комплекса характерно подавляющее преобладание лепной посуды (97,6%), то по материалам второй фазы доля станковой керамики возрастает уже до 30%. По цвету глиняного теста эта керамика разделяется на категории: серо-глиняная (41,7% от общей массы) и светло-красно-глиняная (58,3%). В первом случае, – это пифосы, кувшины разных форм и пропорций, тарелки. Эта уже местная традиция керамического производства (восстановительного обжига) была ориентирована на северокавказские образцы «зилгинского» типа из аланских ремесленных центров. Особенно показательно использование полосчатого лощения в виде вертикальных или наклонных линий, косой решетки и штрихованных взаимопроникающих треугольников. Возможно, данная преемственность была обусловлена миграционными процессами, которые связали население предгорной полосы Северного Кавказа с Прикаспием, что подтверждается опубликованными данными по палеоантропологии. Тогда это легко объясняет появление на Карабабаке ко второй пол. V в. тарных двуручных сероглиняных сосудов с «разреженными» вертикальными налипными валиками («ребрами»), аналоги которым известны на Змейском городище. Присутствие в мусорных отвалах Аспаботы большого количества мелкого стеклянного боя позволяет с осторожностью высказать предположение о переработке привозного стекла на месте.

Третья фаза (втор. пол. V – середина VI в.) несмотря на два землетрясения (и незначительное по времени запустение) является временем экономического расцвета Аспаботы. Нумизматический комплекс демонстрирует связи с Хорезмом (монеты неизвестных правителей и Тугухаса), Сасанидским Ираном (монеты Варахрана IV, Валкаша) и Китаем (монета «у-чжу» первой трети VI в.). Качественно иной уровень организации торговых операций и вектор связей отражают находки свинцовой вислой пломбы юстиниановского времени с греческой блоковой монограммой и перстня с византийским крестом и со ставрограммой (*tau-rho*). Византийская империя, оправившись от варварских вторжений, вступала в эпоху своего наивысшего могущества и не только укрепляла свои границы, но и активно искала новые торговые пути, стремясь обойти Сасанидский Иран, контролировавший традиционные трассы Великого шелкового пути. Находки с Каракабака свидетельствуют, что особое значение имело северное направление – через Кавказ и Прикаспийские степи. Фибулы представлены двупластинчатыми формами шиповского горизонта. Особенно показательны находки имитации фибул в виде листовидных подвесок. Это яркие свидетельства собственного производства застежек местными мастерами по лекалам «понтийской моды». Именно на третью фазу жизни Аспаботы приходится расцвет производства различных категорий металлических изделий, что убедительно свидетельствует о сложившемся ремесленном центре с переработкой разных художественных традиций, и Запада, и Востока. Это подтверждают находки сотен мелких обломков изделий, обрезков прутков, медных и серебряных пластинок от щитков. Активно продолжают использоваться разнообразные пряжки с хоботковидным язычком в пределах условных групп, появившихся на более ранних фазах жизни Аспаботы. Особую группу костюмной продукции, представляют тонкие штампованные медные обкладки с геометрическим тиснением от накладных пластин с наборных поясов, связанную с находками шиповского круга в Поволжье. Продолжают бытовать пряжки с полыми рамками В-образной формы. Распространенными деталями костюма и апотропеями являются лунницы (луновидные подвески и заклепки), антропоморфные подвески («человечки») и кольца с «выпуклинами». Судя по находкам с поселения, самыми популярными украшениями у женщин и девочек были калачиковые серьги (золотые, бронзовые, бронза с позолотой, серебряные, разных размеров, с утолщениями в средней части и без него. Особенно ярко фиксируется использование и переработка иноземных традиций изготовления полихромных вещей. Такие пред-

меты престижного костюма, демонстрируют стремление местной элиты следовать общеевропейской гуннской и постгуннской «моде». Особого внимания заслуживает использование ГОСТов поделочного камня (н-р, алмандинов) и подложки в каше из тонкой золотой фольги, что характерно для второй пол. V–VI вв. и связано с «византийской школой» [Arrhenius, 1985, p. 25–115; Щукин, 2005, с. 345]. Весь полихром выполнен по упрощенной схеме, со свидетельствами недостаточно широкого выбора специальных инструментов у каракабакских мастеров. Об именно местном изготовлении ювелирной продукции свидетельствуют обломки таких изделий, а также различные производственные отходы (стекло и камни-вставки, тигли со следами капелек золота и серебра).

Керамический комплекс демонстрирует появление новых вариантов лепных горшков с характерным оформлением венчика и с S-видным профилем (вариант 5), широким устьем и устойчивым плоским дном. Данные экземпляры соотносятся с материалами Джетыясар II и находят аналогии в «кердерско-джетыясарском» керамическом комплексе Устюрта [Левина, 1971, с. 72, рис. 15: 155–165; 1996, с. 188–189, рис. 66, 67; Ягодин, 2013, с. 136–138]. Наряду с этим продолжается производство устойчивых типов кухонной и столовой посуды по собственным, местным лекалам. Для позднего этапа все также характерен низкий процент использования импортной посуды. Было найдено всего несколько целых форм производства албанских и хорезмийских центров. Резко возрастает процент изготовления качественной станковой посуды (до 60 процентов), которая представлена большой серией археологически целых форм. Она продолжает обладать развитыми и устойчивыми морфолого-технологическими признаками. Особенностью этих сосудов является практически полная зональная орнаментация поверхности тулова, выполненная в технике полосчатого лощения. Эта традиция, зародившаяся во второй фазе под влиянием северокавказских образцов, в третьей фазе достигает своего расцвета, приобретая местные черты, такие как комбинирование различных геометрических зон (вертикальные линии, косая сетка, взаимопроникающие треугольники), разделенных узкими желобками. Как и на предыдущем этапе жизни Аспаботы в ходу на поселении остаются двуручники, кувшины, кружки с зооморфным оформлением ручек и с «кнопками» в их верхней части, плоски. Как показал анализ, именно в поздний период на поселении появляются новые типы посуды. Например, кувшины с носиком-сливом (кумганы), которые находят прямые аналогии в материалах раннесредневекового некрополя Куюккала в При-

аралье [Ходжайов, Мамбетуллаев, 2008]. Особого внимания заслуживают светильники-курильницы, ставшие более распространенной и многообразной группой изделий. На Аспаботе известно несколько вариантов этих ритуальных сосудов: на высокой цилиндрической ножке, на полый ножке, а также квадратные плоскообразные формы. Подобные изделия не характерны для Средней Азии, но находят аналогии в западных районах степной ойкумены – в материалах Крымского Приазовья, боспорского Китея, Танаиса [Клемешова, 2019, с. 101; Молеев, 2010, с. 226; Арсеньева, 1988, табл. XXXVII: 3]. Все это свидетельствует об основной направленности торговых и культурных взаимоотношений Аспаботы с внешним миром.

В разделе 1.4 подводятся итоги по поселенческому комплексу и констатируется, что Каракабак/Аспабота был не просто торговым пунктом, а крупным поселением с устойчивыми производственными традициями, многоотраслевым ремеслом и продуманной системой жизнеобеспечения, включавшей отгонное скотоводство, использование морских ресурсов и водоснабжение из карстовых источников.

Глава 2 «Ритуальные комплексы зороастрийской направленности» посвящена анализу уникального сакрального пространства, созданного в местности Алтынказган.

В разделе 2.1 рассматриваются структурные особенности каменных построек. Комплекс насчитывает более 200 сооружений, включая ограды различных типов (подтипы А1–А5), трехсекционные постаменты, бидельтоидные кладки. Конструктивной доминантой является наличие в центре каждой ограды трехсекционного постамента с алтарем-жертвенником (каменный ящик со следами огня или меловая плита с колонками по углам). На основе анализа строительных приемов (вертикально вкопанные плиты и/или горизонтальная кладка стен), а также керамических комплексов, выделена эволюция сооружений, четко коррелирующая с периодизацией Аспаботы.

В разделе 2.2 предлагается интерпретация алтынказганских сооружений в контексте зороастрийских обрядов. Трехсекционные постаменты рассматриваются как дахмы — места для выставления тел умерших в соответствии с предписаниями «Видевдата». Устойчивый набор керамической посуды (крупные горшки, маленькие кружки, воронки), зафиксированный у основания постаментов, свидетельствует о ритуалах, связанных с приготовлением и возлиянием священного напитка хаомы. Эволюция алтарных конструкций (от каменных ящиков со следами огня до меловых плит) отражает изменение ритуальной практики, возмож-

но, связанное с централизацией культа огня и переносом Аташ-Дадгах (Atash Dadgah) в жилые зоны. Отсутствие человеческих костей в оградах объясняется последующим помещением очищенных останков в костехранилища (астоданы), роль которых могли выполнять (башнеобразные) каменные сооружения «байтинского» типа. Вся лепная и станковая посуда, найденная на алтынказганских объектах изготовлена на Каракабаке и имеет точные аналогии.

В разделе 2.3 анализируются «клады» — ритуальные захоронения престижных предметов кочевнической элиты, обнаруженные в оградах Алтынказгана (парадное седло с жестким каркасом, серебряными накладками и с зооморфными сюжетами; статусные наборные пояса с полихромной инкрустацией; комплекты конской узды). Стилистическое и технологическое единство этих предметов с материалами с поселения доказывает их изготовление в каракабакских мастерских. Указывается на сложный синтез зороастрийской основы погребального обряда с гуннскими/постгуннскими традициями «жертвенных даров» и митраистскими представлениями.

В разделе 2.4 подводятся итоги, констатируя, что Алтынказган является сложным, многофункциональным сакральным комплексом, на протяжении нескольких столетий служившим местом отправления зороастрийских погребальных ритуалов (вероятно в основном для населения Аспаботы).

Глава 3 «Могильники позднесарматского облика. Особенности планиграфии, погребального обряда и инвентаря» дает характеристику погребальным памятникам микрорайона изученных автором.

В разделе 3.1 рассматриваются катакомбные захоронения Алтынказгана (3 объекта). Они представляют собой Т-образные в плане сооружения, вырытые в меловых отложениях, с полным отсутствием наземных конструкций. Погребенные ориентированы головой на восток, лежат вытянуто на спине, зафиксирована кольцевая деформация черепа. Данный обряд как и керамическая посуда находят прямые аналогии в раннеаланских комплексах Северного Кавказа II–III вв.

В разделе 3.2 анализируются материалы могильника Кумыра (12 погребальных сооружений, из которых 10 — катакомбы «колодезного» типа). Конструкция унифицирована: входная яма-дромос вытянута по линии С–Ю, круглый входной лаз перекрыт меловыми плитами. Преобладает ориентировка головой на восток, зафиксирована песчаная подсыпка под костяками, наличие заупокойной пищи (кости МРС) с железными

ножами. Находки (лучковая проволочная фибула с треугольной ножкой, 14-гранные альмандиновые и специфические стеклянные бусины, керамические «курильницы», накладки на лук гуннского типа) позволяют датировать основной массив захоронений второй половиной II–III в. и связывать их с раннеаланским кругом памятников.

В *разделе 3.3* описываются подбойные захоронения в каньоне Каракабак (17 групп объектов, исследовано более 50 погребений). Отличительной особенностью является привязка 2–5 погребальных сооружений к одной кольцевидной выкладке, маркировка захоронений каменными набросками с крепидами. Конструкция погребений унифицирована: подпрямоугольная входная яма ориентирована по линии С–Ю, подбойная камера устроена в западной стенке. Умершие уложены вытянуто на спине, головой на север, зафиксирована кольцевая деформация черепа. Демографический состав — только женские и детские захоронения. Погребальный инвентарь (поясная и обувная гарнитура шиповского облика, листовидные подвески, полихромные украшения, браслеты, золотые калачиковидные серьги, зеркала с ручкой-штырем) датируется второй половиной V – середина VI в. и демонстрирует сложный синтез позднесарматских, джетысарских и византийских традиций. Керамическая посуда вся изготовлена на Каракабаке и использовалась до погребального ритуала в быту.

В *разделе 3.4* подводятся итоги по погребальным памятникам, выделяются два основных хронологических горизонта (позднесарматский/ранний II–III вв. и постгуннский/шиповский (втор. пол. V – середина VI вв.)), доказывается местное происхождение подавляющего большинства предметов инвентаря (изготовление в каракабакских мастерских).

Глава 4 «Культурно-исторические процессы в Северо-Восточном Прикаспии» представляет собой синтез всех собранных данных с реконструкцией культурогенеза.

В *разделе 4.1* обосновывается выделение Алтынказганского археологического микрорайона (АМР). Его территория ограничена природными рубежами в пределах межгорной долины шириной 8–10 км. Все рассматриваемые объекты (поселение, ритуально-погребальные комплексы, некрополи, торговые площадки на караванных путях) не являются случайным и разрозненным скоплением объектов, а представляют собой единую, внутренне связанную систему, сложившуюся и развивавшуюся в четко очерченных природных границах. Сведение воедино хронологических маркеров подтверждает синхронное существование всех ее элементов на протяжении более 500 лет. Нужно отметить, что становле-

ние метода выявления таких структурных культурно-территориальных образований в основном связано с Сибирской археологией и именами С.А. Теплоухова, М.П. Грязнова, В.И. Матющенко, В.И. Молодина, А.П. Бородавского и др. Определений, что такое археологический микрорайон, существует множество. Исходя из материалов конкретного исследования наиболее подходящее определение АМР – это «территория с определенными природными границами, насыщенная археологическими памятниками, разнообразными по типологии, но сходными в культурно-историческом контексте».

Актуальность исследования археологических микрорайонов в настоящее время определяется необходимостью преодоления методологического кризиса, вызванного качественной трансформацией археологического знания. Поскольку, сохраняется существенный пробел в изучении археологических объектов в их природно-ландшафтном контексте. Особую значимость приобретает исследование механизмов взаимовлияния культурных и природных процессов, а также выявление факторов, обуславливающих концентрацию археологических памятников в определенных точках пространства. В данном случае мы фиксируем модель симбиоза оседлого центра и кочевой периферии, которая реконструируется как система взаимозависимых отношений: кочевники поставляли мясо и, вероятно, сырье для металлообработки, получая от жителей Аспаботы ремесленную продукцию (керамику, металлические изделия, ювелирные украшения) и возможно доступ к сакральным пространствам.

В разделе 4.2 реконструируется система торговых коммуникаций в северной части Каспийского моря. Автором доказывается существование устойчивого портово-транзитного узла на Мангышлаке, связывавшего Индию (через Хорезм и Приаралье) с Северным Кавказом, Боспором и Византией. «Каракабакский узел» являлся не просто транзитным пунктом, а местом трансформации сырья в готовую продукцию, обладавшим собственным многоотраслевым ремесленным производством (металлообработка, гончарство, ювелирное дело). Археологические данные опровергают устоявшийся в западной историографии консенсус о несостоятельности «оксийско-каспийского пути». Расцвет «северо-каспийской» транспортной системы в V – сер. VI вв. был обусловлен поиском Византией путей в обход Сасанидского Ирана, а упадок — совокупным действием природных катаклизмов (землетрясение, регрессия Каспия) и восстановлением Сасанидского контроля над Кавказом и западным берегом Каспийского моря.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются основные выводы, подтверждающие достижение поставленной цели и решение всех задач. Констатируется, что Северо-Восточный Прикаспий в I/II – сер. VI вв. был не пассивной зоной транзита, а местом возникновения и длительного функционирования уникального очага оседлости — торгово-ремесленного центра Каракабак/Аспабота, оказавшего важнейшее влияние на исторические события в регионе и за его пределами.

Основное содержание диссертации отражено в опубликованных работах

Монографии

1. Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.** Погребально-поминальный комплекс Алтынказган (III – первая половина VI вв. н.э.). – Алматы: Институт археологии имени А.Х. Маргулана, 2023. – 384 с. (Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XVIII).
2. Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.** Поселение Каракабак на северо-восточном берегу Каспийского моря (I – середина VI в.). – Алматы: Институт археологии имени А.Х. Маргулана, 2025. – 448 с. (Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XXV).

Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

3. Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.** Парадное седло из Алтынказгана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43. – № 4. – С. 72–84.
4. Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.** Жертвенные приношения вещей гуннского облика в каменных оградах Алтынказгана, на восточном берегу Каспийского моря // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46. – № 2. – С. 68–78.
5. Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.** Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // Stratum plus. – 2018. – № 4. – С. 347–369.
6. Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.** Древний город на Восточном берегу Каспийского моря // Stratum plus. – 2019. – № 4. – С. 17–38.
7. Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.** Фибулы с полуострова Мангышлак (Республика Казахстан) // Поволжская археология. – 2019. – № 3. – С. 170–189.
8. Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.** Гуннские древности Северо-Восточного Прикаспия // Stratum plus. – 2020. – № 3. – С. 179–192.
9. Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.** Полихромный стиль на Мангышлаке // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Т. 48. – № 2. – С. 80–88.

10. Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.** Элитное погребение гуннского времени могильника Каракабак (Мангистау, Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – Т. 49. – № 4. – С. 57–68.
11. Лашинский Н.Н., Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.** Эфемерная синюзия пустынь как индикатор обнаружения археологических объектов // Сибирский экологический журнал. – 2021. – Т. 28. – № 3. – С. 383–392.
12. Васильев С.К., Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.** Фаунистические остатки с поселения Каракабак I–VI вв. н.э. (п-ов Мангышлак, Республика Казахстан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. – Т. XXX. – С. 431–442.
13. Валиулина С.И., Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.**, Нуретдинова А.Р., Красильников П.В. Первые итоги изучения римского стеклянного импорта с городища Каракабак (п-ов Мангышлак) // Уфимский археологический вестник. – 2025. – Т. 25. – № 2. – С. 319–328.
14. Чхаидзе В.Н., Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.** Византийская свинцовая пломба с п-ова Мангышлак (Республика Казахстан) // Античная древность и средние века. – 2025. – Т. 53. – С. 26–41.

*Публикации в зарубежных рецензируемых изданиях
(Web of Science, Scopus)*

15. Andrey E. Astafiev, Evgeniy S. **Bogdanov**. The Discovery of Altynkazgan // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. – 2016. – Vol. 22. – No. 1. – P. 141–164.
16. Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.** Вал Байлама // Археология Казахстана. – 2023. – № 2 (20). – С. 117–130.
17. **Богданов Е.С.**, Астафьев А.Е. Плита с выбивками из завалов «Вала Байлама» (Западный Казахстан) // Археология Казахстана. – 2023. – № 2 (20). – С. 131–147.
18. Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.**, Жамбулатов К.А. Могильники постгуннского времени в каньоне Каракабак (Мангистау: раскопки 2023 года) // Археология Казахстана. – 2024. – № 1 (24). – С. 180–203.
19. Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.** Новые находки фибул из алтынказганского микрорайона (полуостров Мангышлак) // Археология Казахстана. – 2024. – № 2 (24). – С. 100–123.
20. Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.**, Валиулина С.И. Амулетный набор из погребения в каньоне Каракабак (Мангистау) // Археология Казахстана. – 2025. – № 3 (29). – С. 246–262.
21. Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.**, Валиулина С.И. Химический состав посудного стекла городища Каракабак (Казахстан) // Археология Казахстана. – 2025. – № 4 (30). – С. 231–249.

Публикации в научных журналах и сборниках трудов

22. **Богданов Е.С.** Звери и птицы на обкладках гуннского седла из Мангышлака // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства. – М.; Кемерово, 2017. – С. 65–77. – (Труды САИПИ. Вып. XI).
23. Шапаренко И.О., Егоров В.Е., Цуканов К.Г., **Богданов Е.С.** Исследование археологического комплекса Северо-Западного Казахстана электромагнитными геофизическими методами // 12-th Conference and Exhibition Engineering Geophysics. – 2016 (<https://www.earthdoc.org/content/papers/10.3997/2214-4609.201600283>).
24. Есин Е.И., Васильевский А.Н., Астафьев А.Е., **Богданов Е.С.**, Цыбизов Л.В. Оценка глубин источников магнитных аномалий на археологическом памятнике Алтынказган (Казахстан) методом DEXR // ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ. – Вып. 3. – 2018. – С. 116–123.

Подписано в печать 19.06.2026. Формат 60×84/16.
Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 1,34. Уч.-изд. 1,2. Тираж 120 экз. Заказ № 670.

Издательство ИАЭТ СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.
<http://www.archaeology.nsc.ru>

